

выплачен калым, переходила к его брату, который мог потребовать немедленного заключения брака и передачи несовершеннолетней невесты в его семью. А родители девушки соглашались, боясь потерять оговоренный или уже полученный калым.

Но все же, как можно заметить, в конце XIX — начале XX века самым распространенным брачным возрастом девушки считался 15–16 летний рубеж (*бойжеткен* — «на выданье»). Именно в это время в ее костюме появлялись маркеры особого добрачного возраста. И в этом смысле для девушки основными знаками, подчеркивающими ее возраст, были всевозможные украшения. Полный комплект украшений включал накосные украшения, серьги, браслеты, кольца, нагрудные украшения. Если в возрасте 13 лет девочки-подростки носили лишь отдельные части этого комплекта, то девушки 15–16 лет носили его в полном виде, что, по сути, являлось демонстрацией своеобразного посвящения их в возрастную группу невест. Некоторые детали девичьего костюма, например накосные украшения, молодые женщины продолжали носить и после замужества, а по прошествии времени дарили их своим сестрам или девушкам из семьи мужа.

2.3. Игровое воспитание и обучение детей

Как и у многих других народов, игры казахских детей и молодежи отражали половозрастное деление общества. Среди традиционных игрушек казахских детей есть игрушки, которыми предпочитали играть мальчики, и игрушки, которыми играли преимущественно девочки. Любимым занятием девочек 3–10 лет была игра с куклами, которых обычно они сами и делали из обмотанных тканью соломинок чия (песчаного тростника). Куклы (*кьюришақ*) были достаточно схематичны и очень редко имели обозначенное лицо. Запрет на обозначение лица куклы объяснялся тем, что антропоморфность изображения в традиционном сознании всегда ассоциировалась с представлениями о душе, которая, странствуя по миру, может вселиться в подходящее, похожее на человека изображение. Скорее всего, куклы с прорисованным или вышитым лицом появляются не ранее второй половины XIX века и отражают поздний этап в развитии традиционной казахской игрушки.

Лицо куклы почти всегда оставалось «пустым», но при этом ее костюм часто достаточно точно повторял реальный традиционный костюм человека. В зависимости от того, кого изображала кукла, это

мог быть костюм ребенка, девушки, невесты, замужней женщины, мужчины и т.д. Куклы, изображавшие девочек и девушек, имеют прически — косички, сплетенные из конского волоса. Иногда костюм кукол прост, особенно если он повторяет повседневный костюм человека, но нередко отделка одежды кукол была достаточно сложной: праздничный головной убор куклы-невесты, молодой замужней женщины богато украшался цветными стеклышками, маленькими кусочками коралла, пуговицами, металлическими бляшками, полосками меха, перьями филина; само платье оторачивалось вышивкой, тканью другого цвета, фрагментами позумента. Шитье одежды для кукол становилось прекрасной практикой, несомненно, полезной для девочек в будущей взрослой жизни.

К сожалению, материалов XIX — первых десятилетий XX века по детским играм с куклами практически нет. По-видимому, суть игры состояла в воспроизведении сенок из обычной жизни семьи. В таком случае посредством игры с куклами девочки знакомились с основными правилами социального устройства жизни, принципами половозрастного деления традиционного общества, нормами традиционного этикета, практиковались в изготовлении и украшении одежды.

В играх с куклами употреблялись и сопроводительные игрушки-имитации — кровати с постельными принадлежностями, модели мебели, маленькие войлочные ковры (*текеметы*), простые войлоки (*киіз*), вышитые занавесы. Игрушки из ткани и войлока, как и куклы, изготавливались самими девочками, иногда под руководством старших сестер, матери или бабушки, которые показывали им, как нужно держать иголку, какие швы применяются при вышивании тех или других вещей, как изготавливается войлок. Таким образом, с ранних лет девочки в игровой форме приобщались к домашним ремеслам.

В традиционной культуре казахов достаточно много совместных игр для детей и подростков обоих полов. Среди них игры *қара лақ* — «черный козленок», *ит құйрық* (букв.: «собачий хвост») — «караванная игра», *соқыр қой* — «слепой баран» и другие (Мелкова 1921). Обычно девочки участвовали в играх с мальчиками не старше их возраста, так как совместная игра мальчиков с девочками младшего возраста часто была поводом для насмешек со стороны подростков, которые уже осознавали свою принадлежность к сильному полу и считали участие в играх с малолетними девочками позором для себя (Игры... 1893). Одним из излюбленных развлечений детей было загадывание загадок, которые они нередко придумывали сами; дети с удовольствием слушали сказки, которые рассказывали взрослые, чаще всего бабушки.

С 12–14 лет многие казахские дети уже сами рассказывали сказки младшим братьям и сестрам. Европейцы, познакомившиеся с устным народным творчеством казахов, были поражены способностью казахских детей и подростков за короткое время сложить песню, вспомнить подходящую к соответствующему случаю загадку, пословицу, сказку или тут же придумать их.

Молодые казашки и казахи предпочитали совместные игры. Среди них игра *ақ сүйек*, вечеринки *қызойнақ* (девичья игра) (Кустанаев 1894: 20–21; Шаханова 1998: 145), где молодые люди обоего пола пели песни, состязались в загадывании загадок, рассказывали смешные и поучительные истории. В летнее время молодые люди устраивали качание на качелях — *алты бақан*. Когда взрослые уезжали, оставляя молодых людей дома одних, то те, пользуясь случаем, устраивали посиделки для сверстников — *бастаңғы*. На угощение и увеселение приглашались как девушки (преимущественно), так и молодые парни (*бозбалалар*). Такие игры были не только развлечением, в них происходило общение и социализация детей и подростков.

Излюбленным времяпрепровождением молодых казашек была ночная охрана спящих животных. Дневной выпас овец считался черной и тяжелой работой — на эту работу отправляли только провинившихся женщин и девушек. Но зато на ночные бдения, которые не были сопряжены с физическими нагрузками, охотно собирались девушки со всего аула, к ним присоединялись и молодые люди. Всю ночь молодежь играла на музыкальных инструментах, пела песни (П... 1878: 22–23).

Казахи большое внимание уделяли обучению своих детей. С ранних лет родители учили ребенка говорить, считать, называть предметы и их свойства. А как только ребенок осваивал речь, его учили песням, загадкам, скороговоркам, которые не только развивали память детей, но и помогали развитию интеллекта, давали ребенку элементарные представления о социальном устройстве общества, о кочевом хозяйстве, взаимоотношениях в семье. Как отмечал Ишмухаммед Букин, воспитанник Туркестанской учительской семинарии, казахи полагают, что отказ от обучения детей грамоте — большой грех. Именно поэтому «они стремятся хотя бы на несколько недель отдать ребенка на обучение мулле и считают это своим долгом по отношению к своим детям» (Букин 1883). Звание учителя было очень почетным среди казахов. Чаще учителями-муллами (*молда*) становились казахи из сословия *қожжа* (ходжи) либо сарты, татары. Далеко не каждый человек имел возможность нанять учителя для своих детей, но выручала традици-

онная казахская взаимопомощь. Часто один состоятельный казах нанимал учителя для детей всего аула, а остальные одноаульцы вносили за обучение своих детей небольшую плату. Иногда молда со своей семьей кочевал вместе с аулом до тех пор, пока в нем, учителе, была необходимость.

Обычно детей старались обучать с 7–8-летнего возраста. Но часто в юрте муллы собирались дети разных возрастов: все, кто имел возможность и желание обучаться письму, счету, чтению, религиозному закону. Мальчики и девочки обучались вместе, причем и телесным наказаниям за шалости подвергались одинаково. В пограничных районах, где проживало не только казахское, но и русское население, казахских детей нередко отдавали на обучение в русские школы. В городах существовали специализированные женские училища, куда поступить за плату могли только девушки из состоятельных элитных семей. И все же девочек обучали сравнительно реже, чем мальчиков. Как правило, им давали элементарное начальное образование — обучали первичным навыкам грамоты, письма и счета. Девочки из обычных семей были больше, чем мальчики, заняты по хозяйству, помогали матери ухаживать за младшими детьми и воспитывать их. Воспитание девочки изначально было ориентировано на прививание ей приоритетов семейных ценностей. Главной задачей матери было подготовить свою дочь к предстоящей семейной жизни. Мальчику же, как полагали родители, образование больше пригодится в будущей жизни: ведь ему предстоит стать главой своей семьи, вести хозяйство, заключать сделки, решать семейные споры.

Однако нельзя забывать, что в традиционном обществе основная социализация детей — их приобщение к нормам хозяйственной и общественной жизни, к основным ценностным ориентирам этого общества — происходила в рамках семьи. Формы воспитания детей и передачи им необходимых жизненных навыков были различными. Дети с ранних лет наблюдали за повседневной жизнью семьи, за работой взрослых, их поведением в различных жизненных ситуациях, сами выступали в качестве помощников и участников в трудовом процессе. Большое значение в народной педагогике отводилось фольклору как одной из форм передачи традиционных знаний. К сожалению, тема детского казахского фольклора до сегодняшнего дня остается неразработанной.

Произведения устного народного творчества донесли до нас образы дев-воительниц — прекрасных наездниц, умелых в обращении с оружием, которые при необходимости могли защитить и себя, и свою се-

мью, вступить в бой с врагом и одержать победу. Жениться на такой девушке было непросто — жених должен был доказать свое право на невесту в состязаниях с соперниками: в скачках, стрельбе из лука, борьбе. Нередко и сама невеста вступала в борьбу со своим женихом, и одолеть деву-богатыршу было по силам далеко не каждому мужчине. Зато победителя ждала награда: после замужества дева становилась верной и преданной женой своего мужа, мудрой советчицей и нежной матерью.

Этнографическая действительность не знает дев-воительниц, подобных легендарным богатыршам, но отголоски «амазонства» можно найти и в традиционном костюме, и в поведении казахских девушек и женщин.

С детских лет девочку учили держаться в седле, непринужденно общаться, быть сильной и ловкой. Девушка должна была уметь постоять за себя, проявив физическую выносливость в состязаниях и находчивость в музыкально-речевых поединках с юношами. Девочки наравне с мальчиками принимали участие в конных скачках (*байге*) (Таникеев 1977: 27), а в конных состязаниях *кыз қуу* — «догони девушку» они были основными участницами. Девушки охотились с ловчими птицами, уже в 14–15 лет укрощали и объезжали диких лошадей. К сожалению, этнографические материалы по участию казахских женщин в традиционных мужских состязаниях автору этих строк неизвестны, но, основываясь на сравнительных материалах по киргизской этнографии (Симаков 1984: 170–175), можно с уверенностью сказать, что даже после замужества и рождения детей женщины принимали активное участие в военизированных развлечениях: в поединках на пиках, в верховой и пешей борьбе (*аударыспақ, қазақша күрес*), в скачках, которые традиционно считались сугубо мужскими занятиями.

Женские состязания проводились не ради потехи зрителей, они были не менее серьезны, а подчас и более драматичны, чем мужские поединки. Женские состязания ни по правилам, ни по снаряжению участников не отличались от мужских. Конечно, далеко не каждая женщина принимала участие в подобных боях, но всегда находились отважные казашки, готовые отстаивать честь своего рода. Встречались даже такие богатырши, которые не боялись бросить вызов мужчине и сразиться с ним наравне (Симаков 1984: 173). Нужно заметить, что казахские женщины принимали активное участие в оборонительных действиях во время налетов на аулы с целью грабежа: «Они вооружались баканами (шестами с развилкой, которыми поднимают кошму в верхнюю часть конструкции юрты. — *И.С.*) ...этим оружием казах-

ские женщины умело управлялись, так как им часто приходилось пользоваться баканами при сооружении юрты... Неудивительно поэтому, что наиболее сильные и подготовленные женщины выступали даже в таких опасных соревнованиях, как фехтование на пиках» (Таникеев 1977: 31).

Большое значение в воспитании детей традиционно играло старшее поколение — бабушка (*эже*) и дедушка (*ама*) со стороны отца. Именно старики являлись хранителями традиций семьи, они старались передать их молодому поколению. Старшие женщины семьи (бабушка, пожилые родственницы, чаще — вдова умершего брата или дяди главы семьи), уже не принимавшие активного участия в хозяйственных работах, отдавали все свое свободное время подрастающим детям.

Если женщины играли ведущую роль при воспитании мальчиков только до 5–6-летнего возраста, то при воспитании девочек ведущая роль старших женщин сохранялась до момента вступления девушек в брак. Первенцы в семье считались детьми свекра и свекрови. Усыновленные таким образом дети становились любимчиками бабушки и дедушки. Девочек баловали не меньше, чем мальчиков, а иногда и больше: нередко именно бабушка выступала инициатором освобождения девочки от тяжелых домашних работ, считая, что за свою будущую жизнь у свекрови девочка еще наработается и никто не знает, как сложатся ее отношения с родственниками мужа.

Особенность восприятия вышеописанных возрастных ступеней в народной традиции выражена следующей емкой пословицей: *Беске дейін балаңдай сыйла, бестен он беске дейін құлыңдай жұмса, он бестен кейін құрдасыңдай сыйлас* — «До 5 лет почитай как собственного ребенка, с 5 лет до 15 эксплуатируй как раба, с 15 лет уважай как сверстника (обращайся как со сверстником)» (Шаханова 1998: 145).

Уже с раннего детства, со времени первых совместных игр, и мальчики, и девочки объединялись в возрастные группы сверстников — *құрдас*. Девочки, девушки и женщины примерно одного возраста обращались друг к другу, употребляя, как пишет этнограф К.Л. Задыхина (1951: 162), слово «корбе», *құрбы* (*И.С.*) — «подруга», «сверстница». Людей, входивших в одну возрастную группу, объединяли отношения материальной и духовной взаимопомощи: они помогали друг другу в беде, в хозяйственных работах, участвовали в совместных торжествах по поводу рождения ребенка, свадьбы. Такие возрастные связи людей примерно одного возраста сохранялись на всю жизнь. Особенно прочными были отношения между мужчинами. Девушки же после выхода замуж покидали родные края и разъезжались по селениям сво-

их мужей. Но и там новые отношения между девушкой и ее новыми родственницами — как замужними, так и незамужними сверстницами и их подругами — складывались достаточно быстро. Сверстниц объединяли не только общие интересы, разговоры, но и обязанности в семьях. С возрастом эти обязанности изменялись. Девушка становилась молодой, затем — зрелой женщиной и, наконец, старухой. Переход в каждую возрастную группу сопровождался изменениями в костюме, причёске, поведении, а следовательно, и в статусе женщины. Сверстницы одновременно переходили в следующую возрастную группу и сохраняли свою сложившуюся еще в раннем возрасте общность одного биологического и социального возраста до конца жизни.

2.4. Специфика семейного статуса девочки и девушки

Из вышеизложенного видно, что семейный статус девочки не был ниже статуса мальчика. Это подтверждается и тем, что незамужняя девушка в доме своих родителей сидела на почетном месте *төр* рядом с главой семьи и почетными гостями либо на правой гостевой стороне (*оң жақ*). Нарушение этой традиции, по представлениям казахов, могло принести несчастья в семью (ПМА, 1998, 2006). Как отмечал А. Диваев: «На девицу смотрят как на равноправного члена семьи с мальчиками и отдают ей должное почтение и, вообще, уважают ее» (Диваев 1922: 132).

Семейный статус девочки и девушки имел свои особенности, связанные в первую очередь с половой принадлежностью ребенка, а значит, и с разными социальными ролями, которые выполняли мальчики и девочки в обществе и которые им предстояло выполнить в будущей жизни. Мальчики должны были стать защитниками своей семьи, наследовать хозяйство и имущество своего отца, стать продолжателями его рода. А девочкам предстояло получить хорошее воспитание и покинуть семью своих родителей, выйти замуж, стать достойной женщиной и не опорочить имя своих родителей перед новыми родственниками.

Как уже говорилось, первоначальный предписанный статус женщины в традиционной культуре определялся положением в обществе семьи ее родителей. С этим статусом девушка выходила замуж. Если невеста была из состоятельной, уважаемой семьи, сама отличалась достойным поведением, то она могла рассчитывать на хорошую брачную партию. Этот первоначальный, определяемый семьей родителей